

Как случилось, что весь мир лишь монастырь —
так ярко освещён, что каждый штрих подчёркнут
тенью такой глубокой, что не видно звёзд?

Послушники ночами в норах спят,
могильных склепах-кельях, врытых в землю,
днём наставляя праведный народ
на путь добра — жизнь научает смерти
на их примере и они идут
и сходят в подземелье добровольно,
в колодец сердца, с книгой и свечой
им в спутники, люк за собой задраив.
Дни напролёт трудясь, молотят сено,
гонят вино из ягод, причащают,
и рыцарски вершат обряд крещения
над свёртками новорождённых, туго
спелёнатых цветастым покрывалом
из ярких лоскутков, обрезков, рвани.
Пусть сатана нечистым пальцем тайно
весы придавит в Судный День, чтоб в пользу
свою, бесову, перевесить, Пётр,
апостол, торжествует — все богатства
души всё ж невесомей оперенья
единой истины.

Когда поэт был молод
не все умели грамоте, ему же
ладонь на книгу и ладонь на сердце

велели положить и взяли клятву,
что будет разрушать он очевидность,
встав на голову — эту перспективу
лишь одному ему позволив.

Дальше
пошли дожди и лили беспросветно,
томов страницы разрослись в объёме,
впитав в себя небесных зёрен влагу;
и скирды книг разбухших — для просушки —
придавлены тяжёлыми камнями;
они сочатся, истекают светом,
разносят по земле законы буквы,
ибо в земле сокрыто обещанье,
залог того, что всё взойдёт плодами
и что её возделывая — плугом
взрыхляя, роя, сея, пожиная —
мы всё, что может человек содеять,
возводим в степень — труд есть мера роста.

Переворачиваются страницы
сами собой — ветер листает тексты,
читает иллюстрации — звук схожий
с хлопком одной руки, шлепками рыбы
об лёд.

Вверх устремляются стремянки,
на крышу, словно выстреляны в небо...
Весна. Знать время выбивать ковры
баранов стричь, расчёсывать руно,
гребнями деревянными, варить
и красить шерсть, нитку сучить и прясть.
Чаны и жбаны с питьевой водой
для умного дворового скота
квадратны, чтоб нечистых отделить
от чистых, то есть тварей от людей.

Бараны пьют последние глотки
до скорого рассвета, до того
как, ноги им связав, их вздёрнут, с тем
чтоб перерезать глотку, вскрыть живот
и выпотрошить жизни требуху,
промыв освобождённых рёбер ряд
водой, что с кровью смешана, бежит
по длинной-длинной лестнице.

Голов

бараньих пирамида на поднос
серебряный водружена; открыты
таращатся застывшие глаза,
очеловеченные смертью. Мы же
решаем жить, любить, рожать детей —
жить просто так, не в ожиданье смерти.